

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ
ТОНАХ

Артур Конан Дойл
Этюд в багровых тонах
Серия «Магистраль. Главный тренд»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73271588

Этюд в багровых тонах:

ISBN 978-5-04-239889-6

Аннотация

Перу английского писателя, публициста и журналиста Артура Конан Дойла принадлежат исторические, приключенческие, фантастические романы и труды по спиритизму, но в мировую литературу он вошел как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса.

Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования. Неутомимый Шерлок Холмс и его легко увлекающийся друг доктор Ватсон дороги сердцу читателей всего мира.

В это издание вошли романы «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», а также цикл рассказов «Приключения Шерлока Холмса».

Содержание

Этюд в багровых тонах	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	53
Глава 5	64
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Артур Конан Дойл

Этюд в багровых тонах

Arthur Conan Doyle

A STUDY IN SCARLET

THE SIGN OF THE FOUR

THE ADVENTURES OF SHERLOCK HOLMES

© Бессараб М.Я., перевод на русский язык, 2026

© Гурова И.К., перевод на русский язык. Наследники,
2026

© Доронина И.Я., перевод на русский язык, 2026

© Литвинова М.Д., перевод на русский язык. Наследники,
2026

© Матвеева А.Ф., перевод на русский язык, 2026

© Штенгель В.К., перевод на русский язык. Наследники,
2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2026

Этюд в багровых тонах

Часть первая

Перепечатка воспоминаний Джона Х. Ватсона, доктора медицины, отставного военного врача

Глава 1

М-р Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли¹, чтобы пройти курс военной хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятой нортумберлендской стрелковой бригаде. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я успел прибыть на место службы, разразилась Вторая афганская война². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев

---

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878–1880 гг.

несколько стратегических укреплений, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными несчастьями и бедствиями. Переведенный из своей бригады в Беркширскую, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там я был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила кость и задела подключичную артерию. Я бы непременно попал в руки кровожадных газиз⁵, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея, который взвалил меня поперек выючной лошади и умудрился благополучно доставить до британских позиций.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых страдальцев отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что мог уже ходить по палатам и даже понемно-

---

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 г. закончилась поражением британцев.

⁴ Джезайл – традиционное длинноствольное дульнозарядное ружье некоторых народов Центральной Азии, особенно было распространено в Афганистане.

⁵ Почетный титул мусульман, воевавших против неверных.

гу загорать на веранде, когда меня внезапно сразил брюшной тиф – это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался настолько слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня обратно в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронтеc» и месяц спустя высадили на пирс в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем, но с разрешением отечески заботливого правительства использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер – по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах я, естественно, тяготел к Лондону, этому отстойнику, в который непреодолимо втягиваются все праздношатающиеся бездельники империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя лишенное покоя бессмысленное существование и тратя те деньги, которые у меня имелись, с беспечностью куда большей, чем дозволительно, в результате чего мое финансовое положение оказалось настолько угрожающим, что вскоре стало ясно: я должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо полностью изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и

поселиться в каком-нибудь менее претенциозном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому заключению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда бывшего моим ассистентом в госпитале «Бартс»⁶. Одинокому человеку всегда приятно увидеть знакомое дружелюбное лицо в большой пустыне Лондона. В старые времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он, в свою очередь, казалось, был искренне рад встрече. В порыве восторга я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчичьей пролетке.

– Что, черт возьми, вы с собой делали все это время, Ватсон? – спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. – Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я коротко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

– Бедолага! – сочувственно сказал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. – И что вы собираетесь делать теперь?

– Искать жилье, – ответил я. – Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену.

---

⁶ Старейшая лондонская больница.

– Как странно, – заметил мой спутник, – за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

– А кто был первым? – поинтересовался я.

– Один приятель, который работает в химической лаборатории госпиталя. Сегодня утром он жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять на двоих славную квартиру, – ему одному она не по карману.

– Вот те на! – воскликнул я. – Если ему действительно нужен кто-то, чтобы разделить жилье и плату за него, то я для него именно такой человек. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем жить одному.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала странноватым взглядом.

– Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, – сказал он. – Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

– Почему? Что с ним не так?

– О, я вовсе не говорю, что с ним что-то не так. Просто он человек с немного странными идеями – энтузиаст определенного рода научных изысканий. Но, насколько мне известно, человек он вполне порядочный.

– Он, наверное, изучает медицину? – предположил я.

– Нет. Я понятия не имею, что именно он изучает. Кажется, он хорошо разбирается в анатомии, и еще он первоклассный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия вообще отры-

вочны и эксцентричны, но в ходе их он накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

– И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? – удивился я.

– Нет. Он не из тех, кого легко разговорить, хотя может быть весьма болтлив, когда им овладевает некая фантазия.

– Я бы хотел с ним познакомиться, – сказал я. – Если уж делить с кем-нибудь жилье, то я бы предпочел человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и волнений я еще недостаточно окреп. Этого я столько нахлебался в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

– Он наверняка торчит у себя в лаборатории, – ответил мой спутник. – Он либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему прямо после обеда.

– Разумеется, – обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд по дороге рассказал мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я вознамерился делить квартиру.

– Только, если вы с ним не поладите, меня не вините, – сказал он. – Я знаю о нем лишь то немногое, что смог понять

во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

– Если мы не поладим, можно ведь просто расстаться, – ответил я и добавил: – Но мне кажется, Стэмфорд, что вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

– Не так-то просто выразить невыразимое, – ответил он со смехом. – На мой вкус, Холмс чуточку излишне одержим наукой, а это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу себе представить, как он дает другу щепотку новейшего растительного алкалоида – не по злобе, как вы понимаете, а просто из любви к научному эксперименту: чтобы точно зафиксировать проявления его воздействия. Но, надо отдать ему должное, полагаю, что скорее и с той же готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у него страсть к точному и проверенному знанию.

– В этом нет ничего дурного.

– Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избиения тростью трупов в прозекторской, это выглядит весьма эксцентрично.

– Избиения трупов?!

– Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образовываться синяки. Я собственными глазами видел, как он это проделывает.

– И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

– Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас вы будете иметь возможность составить о нем собственное представление. – На этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к его концу низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком, заставленная где выстроившимися в ряд, где беспорядочно громоздившимися склянками. Широкие низкие столы были расставлены безо всякой системы, и на них теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком:

– Я его нашел! Нашел! – сообщил он моему сопровождающему, одновременно бросаясь к нам с пробиркой в руке. – Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин и больше ничего.

Найди он золотую жилу, большего восторга на его лице все равно быть не могло.

– Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Рад познакомиться, – сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не ожидал. – Вижу, вы прибыли из Афганистана.

– Господи, как вы это узнали? – Я был потрясен.

– Не важно, – ответил он, усмехнувшись чему-то своему. – Сейчас главный вопрос в гемоглобине. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

– С точки зрения химии это, безусловно, интересно, – ответил я. – Но что касается практической пользы...

– Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно дает возможность проводить непогрешимо точный анализ следов крови? Идите же сюда! – Он нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к столу, за которым работал до нашего прихода. – Давайте-ка добудем немного свежей крови, – сказал он, вонзая себе в палец длинную иглу и всасывая показавшуюся каплю крови химической пипеткой. – Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Вы видите, что раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, он всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет и на дно выпал коричневый осадок.

– Ха-ха! – победно воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. – Ну, что вы об этом думаете?

– Похоже, это очень тонкий анализ, – заметил я.

– Превосходно! Превосходно! Старый гваяколовый⁷ анализ был чересчур сложным и неточным, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее незаменимо, если кровяные пятна имеют давность не более нескольких часов. А мой новый анализ, похоже, вообще не зависит от того, свежие они или застарелые. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

– В самом деле! – пробормотал я.

– Очень часто расследование упирается в эту одну-единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрели его белье и одежду и нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, или грязи, или ржавчины, а может быть, это следы

---

⁷ От названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваякового дерева.

фруктового сока или что-нибудь еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли, и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

– Вас следует поздравить, – заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело о доме Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

– Вы просто ходячая энциклопедия преступлений, – рассмеялся Стэмфорд. – Вам впору основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

– И уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, – заметил Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце пластырем. – Нужно быть осторожным, – объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, – я много вожусь с ядами. – Он вытянул руку, и я заметил, что она вся была покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

– А мы пришли по делу, – сказал Стэмфорд, усаживаясь

на высокий трехногий стул и ступней подталкивая мне другой такой же. – Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы жаловались, что не можете найти напарника, чтобы оплачивать квартиру пополам, я подумал, что неплохо бы свести вас вместе.

Шерлока Холмса, похоже, идея разделить со мной жилье восхитила.

– Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, – сказал он, – которая могла бы нам идеально подойти. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

– Я сам всегда курил матросскую махорку, – ответил я.

– Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет вам мешать?

– Ни в коей мере.

– Так, давайте подумать – какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и я могу неделями не открывать рта. Когда такое случается, вы не должны думать, что я дуюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.

Меня позабавил этот перекрестный допрос, я рассмеялся.

– У меня есть щенок бульдога, – признался я, – и я не выношу шума, поскольку у меня расшатаны нервы, еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные

– эти.

– Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? – с тревогой поинтересовался Холмс.

– Это зависит от того, кто играет, – ответил я. – Хорошая игра на скрипке – божественное наслаждение, плохая же...

– О, можете не беспокоиться, – с радостным смехом перебил он. – Думаю, мы договорились – то есть в том случае, если вас устроит квартира.

– Когда можно ее осмотреть?

– Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедем и все уладим, – сказал он.

– Отлично – ровно в полдень, – подтвердил я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса среди его химикатов, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг спросил я, останавливаясь, – откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

– Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда он все узнаёт.

– О! Тайна, не так ли? – воскликнул я, радостно потирая руки. – Это очень пикантно. Я весьма признателен вам за то, что вы свели нас вместе. Помните: «Чтоб человечество познать, персону дблжно изучать»?⁸

---

⁸ «The proper study of Mankind is Man» – вторая строка Эпистолы II из «Опыта о человеке в четырех эпистолах» Александра Поупа (*перевод мой*).

– Ну, тогда постарайтесь изучить Холмса, – сказал Стэмфорд, помахав мне на прощанье рукой. – Желаю удачи, однако увидите, что это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнает куда больше, чем вы о нем. Прощайте.

– Прощайте, – ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

Глава 2

Метод научной дедукции

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру по Бейкер-стрит, 221-б, о которой он рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескучно обставленной и светлой – в ней имелись два широких окна. Жилище оказалось таким идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была совершена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и чехлов с одеждой. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои пожитки, чтобы обустроиться наилучшим образом. А когда с этим было покончено, начали постепенно приспособливаться к своему новому жилищу и обживать его.

Неудобным компаньоном Холмс, совершенно очевидно,

не был: его привычки были постоянными и мирными. Он редко бодрствовал после десяти часов вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я просыпался. Иногда он дни напролет проводил в химической лаборатории, иногда – в прозекторской, а время от времени – в долгих прогулках, которые, похоже, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда он впадал в рабочий раж; но время от времени наступала обратная реакция, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване, с каменным лицом, не произнося почти ни единого слова. В такие периоды я замечал в его глазах такую мечтательную отрешенность, что, не будь его образ жизни столь трезвым и воздержанным, на ум могло прийти подозрение: уж не употребляет ли он какой-нибудь наркотик.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к нему, мое любопытство относительно его жизненных целей постепенно становились все глубже и настоятельней. Сама его личность и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так избыточно худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый и пронизательный, если не считать тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал; а тонкий орлиный нос придавал его лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетель-

ствовал о том, что он – человек волевой. Его руки всегда были перепачканы чернилами и изобиловали следами воздействия химических препаратов, притом что действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как он манипулирует своими хрупкими научными инструментами.

Читатель может счесть меня неисправимым пронырой, поскольку я сам признаюсь, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе испытывать его сдержанность, касающуюся всего, что было связано с ним самим. Однако прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и сколь мало было в ней такого, что могло бы завладеть моим вниманием. Здоровье не позволяло мне рисковать и выходить из дома, если погода не была исключительно теплой и солнечной, а друзей, которые могли бы навещать меня и скрашивать монотонность повседневного существования, я не имел. В подобных обстоятельствах меня, естественно, неодолимо влекла тайна, окружавшая моего сотоварища, и я тратил немало времени в попытках проникнуть в нее.

Медицину он действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимался он и систематическим курсом самообразования, который мог бы позволить ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее его страсть к опреде-

ленного рода исследованиям была настолько исключительной, а его знания в определенных эксцентричных рамках настолько обширны и доскональны, что иные его наблюдения меня просто ошарашивали. Разумеется, никто не стал бы работать так усердно или собирать сведения так тщательно, если бы не имел в виду достижение некоего определенного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются точностью своих познаний. Ни один человек не будет сжигать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет достаточно основательной причины это делать.

Его невежество было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал практически ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля⁹, он с наивнейшим видом поинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако кульминации мое изумление достигло тогда, когда я случайно обнаружил, что он – полный невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, понятия не имеющий о том, что Земля вертится вокруг Солнца, показалось мне настолько неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

– Вижу, вы удивлены, – сказал он, с улыбкой наблюдая за изумленным выражением моего лица. – Но теперь, когда вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту

---

⁹ Карлейль, Томас (1795–1881) – английский публицист, историк, философ.

информацию.

– Забыть?!

– Видите ли, – пояснил он, – по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит заставить мебелью по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую дребяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется отсюда или, во всяком случае, оказывается захлапленным стольким количеством ненужных вещей, что достать его в случае необходимости просто не представляется возможным. Человек же разумный очень избирателен в смысле того, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, необходимых для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент будет у него очень богат, и содержать его он будет в идеальном порядке. Ошибочно думать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может расширяться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится забывать что-то из ранее приобретенного. И чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

– Но Солнечная система! – запротестовал я.

– А какой мне в ней прок? – нетерпеливо перебил он. – Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы

вращались вокруг Луны, для моей работы разница не стоила бы ни гроша.

Это был весьма подходящий момент, чтобы спросить его, в чем именно состоит его работа, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать свой вывод. Он сказал, что не станет запоминать ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, все знания, которыми он обладал, должны быть полезны именно ему. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в которых он обнаружил высочайшую осведомленность. Я даже взял карандаш и записал их. Изучая получившийся документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядел:

«Шерлок Холмс – границы знаний

- 1. Знание литературы – ноль.*
- 2. Знание философии – ноль.*
- 3. Знание астрономии – ноль.*
- 4. Знание политики – слабое.*
- 5. Знание ботаники – разное: хорошо осведомлен о свойствах белладонны, опиума и ядов в целом; о практическом садоводстве не знает почти ничего.*
- 6. Знание геологии – практическое, но ограниченное: может по внешнему виду отличить разные виды почв; после прогулок показывал мне пятна на своих брюках и по их цвету и консистенции определял, какое в каком районе Лондона получено.*
- 7. Знание химии – глубокое.*

8. *Знание анатомии – точное, но не систематизированное.*

9. *Знание криминальной литературы – безграничное. Похоже, он досконально знает все подробности всех преступлений, имевших место в нынешнем столетии.*

10. *Хорошо играет на скрипке.*

11. *Мастер в фехтовании на деревянных рапирах¹⁰, великолепный боксер, блестяще владеет холодным оружием.*

12. *Обладает обширными практическими знаниями в области британского законодательства».*

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул свой список в огонь. «Если я до сих пор не смог понять, какую цель преследует человек, сочетая все эти знания и умения, и сообразить, какого рода призвание требует их всех, – сказал я себе, – то лучше сдать сразу».

Выше я упомянул искусную игру Холмса на скрипке. Мастерство его было действительно выдающимся, хотя и экстравагантным, как, впрочем, и все прочие его умения. То, что он умеет – и хорошо умеет – исполнять сложные сочинения, мне было отлично известно, потому что по моей просьбе он играл «Песни без слов» Мендельсона и другие мои любимые произведения. Однако наедине с собой он редко извлекал из своей скрипки то, что можно было бы назвать собственно музыкой или хотя бы знакомой мелодией.

---

¹⁰ Деревянные рапиры использовались для тренировок в фехтовании.

По вечерам, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, он небрежно водил смычком по струнам лежавшего на колене инструмента. Иногда его звучание было торжественным и мелодичным. Иногда – фантастическим и бравурным. Несомненно, оно каким-то образом соотносилось с мыслями, владевшими исполнителем, но понять, помогала ли ему эта его музыка думать или являлась лишь выражением прихоти или фантазии, было выше моего разума. Я мог бы выразить протест против подобных раздражающих музыкальных экспериментов, если бы в качестве компенсации за испытание моего терпения он не заканчивал их обычно последовательным исполнением целой серии моих любимых мелодий.

В течение первой недели или около того у нас не было никаких посетителей, и я уже начал было думать, что у моего компаньона так же, как у меня самого, нет друзей. Однако вскоре я обнаружил, что у него немало знакомых, причем принадлежащих к самым разным кругам общества. Был среди них, например, болезненного вида парень с темными глазами и крысиной мордочкой, который представился мне как мистер Лестрейд; в течение одной недели он приходил раза три или четыре. Как-то утром явилась шикарно разодетая девушка, которая провела у Холмса с полчаса, а то и больше. Тот же день принес еще одного посетителя: изможденного мужчину с проседью в волосах, похожего на торговца-еврея, который показался мне весьма взволнованным.

Сразу вслед за ним пришла пожилая женщина в стоптанных башмаках. Однажды с моим компаньоном беседовал старый джентльмен с головой, белой как лунь; а в другой день пришел вокзальный носильщик в вельветиновой форме. Всякий раз, когда появлялась подобная непонятная личность, Шерлок Холмс просил разрешения воспользоваться нашей общей гостиной, и я удалялся в свою спальню. Он всегда приносил мне извинения за вынужденное неудобство. «Мне приходится использовать гостиную как рабочий кабинет, – говорил он. – Эти люди – мои клиенты». В таких случаях опять предоставлялся удобный момент задать ему прямой вопрос, но деликатность снова и снова не позволяла мне насильно выведывать чужие секреты. В то время мне казалось, что у Холмса есть какая-то важная причина не раскрывать своих тайн, однако вскоре он сам развеял мои сомнения.

Это случилось четвертого марта (и явилось событием достаточно важным, чтобы я точно запомнил дату). Проснувшись раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не кончил завтракать. Наша хозяйка так привыкла к моим поздним вставаниям, что ни моего прибора, ни моего кофе на столе еще не было. С необоснованной раздражительностью, свойственной многим людям, я позвонил в звонок, чтобы дать знать, что я готов. Потом взял со стола журнал и стал просматривать его, коротая ожидание. Мой компаньон тем временем продолжал молча жевать свой тост. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и я невольно

принялся просматривать именно ее.

Название было немного претенциозным – «Книга жизни». Автор статьи пытался показать, как много может узнать наблюдательный человек, если тщательно и методично изучает все, что встречается ему на пути. Статья поразила меня удивительной смесью пронизательности и невразумительности. Ход мысли был логичным и убедительным, но выводы казались натянутыми и нарочито преувеличенными. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, произвольному сокращению мускулов или вскользь брошенному взгляду можно постичь самые потаенные мысли человека. По его словам, человека, умеющего наблюдать и анализировать, невозможно обмануть. Его умозаключения были безапелляционны и претендовали на безошибочность доказательств евклидовых теорем. Непосвященному выводы автора казались настолько ошеломляющими, что без возможности проследить за развитием мыслей, приведших к подобному результату, он мог бы счесть его колдуном.

«По одной капле воды, – утверждал автор, – логически мыслящий человек способен догадаться о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, пусть он никогда не видел ни того ни другого и даже не слышал о них. Жизнь любого человека представляет собой длинную цепь взаимосвязанных событий, поэтому ее природу можно постичь по одному-единственному звену. Как любым иным ви-

дом искусства, искусством дедушки и анализа можно овладеть лишь посредством долгого и кропотливого труда, но жизнь слишком коротка, чтобы кто бы то ни было из смертных хоть отдаленно приблизился в нем к совершенству. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным аспектам проблемы, в которых заключаются самые большие трудности, исследователю надлежит приобрести более простые навыки. Например, при встрече с другим смертным научиться с первого взгляда распознавать происхождение человека и его профессию. Каким бы ребяческим ни казалось подобное занятие, оно обостряет наблюдательность и учит тому, на что следует смотреть и что искать. По ногтям человека, по рукавам его пальто, по обуви, по потертости брюк на коленках, по мозолям на указательном и большом пальцах, по выражению лица и обилгам рубашки – по всем этим деталям можно точно угадать его ремесло. Почти немислимо себе представить, чтобы вместе взятые они не рассказали всё умелому наблюдателю».

– Какая несусветная чушь! – воскликнул я, швыряя журнал на стол и приступая к завтраку. – Никогда в жизни не читал подобного бреда.

– Вы о чем? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье, – ответил я, указывая на открытую страницу яичной ложечкой. – Вижу, вы читали ее, поскольку

ку отметили карандашом. Не спорю, написано лихо, но она меня раздражает. Не сомневаюсь, что это теория какого-нибудь бездельника, который придумывает свои складные маленькие парадоксы, не выходя из кабинета и даже не вставая с кресла. В них нет никакой практической пользы. Хотел бы я видеть, как он в метро садится в вагон третьего класса и на спор определяет профессии всех своих спутников. Я бы поставил тысячу фунтов против одного не в его пользу.

– И потеряли бы свои деньги, – спокойно возразил Холмс. – А что касается статьи, то ее написал я.

– Вы?!

– Да. У меня есть склонность как к наблюдениям, так и к дедукции. А теории, которые я в ней изложил и которые показались вам столь сумасбродными, на самом деле имеют большую практическую пользу – настолько большую, что ими я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Но как именно? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня особая профессия. Полагаю, я единственный в мире человек, который ею занимается. Я – сыщик-консультант, если вам понятно, что это значит. Здесь, в Лондоне, куча государственных и множество частных детективов. Когда эти ребята заходят в тупик, они обращаются ко мне, и мне удается направить их на верный след. Они предоставляют мне все улики, и обычно я могу с помощью своих знаний в области истории преступлений помочь им разобраться. Между преступлениями существует проч-

ное родовое сходство, и когда вы досконально осведомлены во всех подробностях тысячи однотипных преступлений, будет странно, если вы не разгадаете тысячу первое. Лестрейд – известный сыщик. Недавно он запутался в деле о подлоге, оно-то и привело его ко мне.

– А те, другие люди?

– Их в основном присылают ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди попали в какую-нибудь беду и ищут помощи. Я выслушиваю их истории, они – мои разъяснения, после чего я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что можете, не выходя из комнаты, распутать клубок, с которым не справились другие, хотя они видели все воочию?

– Именно это я и хочу сказать. У меня есть интуиция на подобные вещи. Правда, время от времени попадаются случаи несколько более сложные. Тогда приходится посуетиться и взглянуть кое на что собственными глазами. Я, видите ли, обладаю множеством специальных знаний, коими пользуюсь для разрешения проблем; они удивительно облегчают дело. Те приемы дедукции, которые изложены в статье и которые вызвали у вас столь пренебрежительное отношение, в практической работе незаменимы. Наблюдательность – моя вторая натура. Вот вы, кажется, удивились, когда я при первой встрече угадал, что вы прибыли из Афганистана.

– Бьюсь об заклад, вам кто-то об этом сообщил.

– Ничего подобного. Я сам *узнал*, что вы приехали из Аф-

ганистана. Благодаря долгой практике последовательность умозаключений проносится у меня в голове так быстро, что я делаю вывод, бессознательно опуская промежуточные звенья. Тем не менее такие звенья существуют. В данном случае мысль моя развивалась так: «Вот джентльмен, явно имеющий отношение к медицине, но есть в нем и нечто от военного. Значит, он – военный врач. Он только что приехал из тропиков, поскольку лицо у него смуглое, причем это не естественный цвет его кожи: запястья у него светлые. Недавно он перенес невзгоды и тяжелую болезнь, о чем явно свидетельствует его изможденное лицо. Левая рука была у него ранена: он держит ее неестественно и старается оберегать. В какой тропической стране в настоящее время английский военный врач может получить ранение и подвергнуться испытаниям? Разумеется, в Афганистане». Весь этот ход мыслей занял меньше секунды, после чего я высказал предположение, которое вас так потрясло: что вы прибыли из Афганистана.

– Теперь, когда вы объяснили, все кажется действительно простым, – улыбнулся я. – Вы мне напоминаете Дюпена из рассказов Алана Эдгара По. Я и представить себе не мог, что подобные люди существуют в реальной жизни.

Шерлок Холмс встал и, раскурив трубку, заметил:

– Вы, безусловно, думаете, что сделали мне комплимент, сравнив меня с Дюпеном. – Но, по моему мнению, Дюпен был весьма ничтожной личностью. Этот его трюк, когда по-

сле четверти часа молчания он каким-нибудь вскользь брошенным замечанием дает понять, что прочел мысль собеседника, поверхностен и рассчитан на эффект. Не спорю, он не лишен кое-каких аналитических способностей, но, вне всякого сомнения, отнюдь не является исключительным феноменом, каким его, видимо, представлял себе По.

– А произведения Габорио¹¹ вы читали? – спросил я. – Отвечает ли вашим представлениям об истинном сыщике его Леккок?

Шерлок Холмс сардонически ухмыльнулся.

– Леккок был презренным «сапожником», – сердито ответил он. – В заслугу ему можно поставить разве что кипучую энергию. Эта книга меня просто бесит. Ему ведь нужно было всего-навсего установить личность заключенного. Я бы сделал это за сутки. У Леккока на это ушло не менее полугода. Эта книга может служить сыщику учебником того, как работать не следует.

Меня изрядно рассердил такой кавалерийский наскок на двух персонажей, коими я восхищался. Подойдя к окну, я стал смотреть на запруженную людьми улицу. «Этот парень, возможно, и очень умен, – сказал я себе, – но слишком уж самонадеян».

– В последнее время нет ни настоящих преступлений, ни истинных преступников, – ворчливо заметил Холмс. – Какой прок иметь мозги человеку нашей профессии? Я точно

---

¹¹ Габорио, Эмиль (1833–1873) – французский романист.

знаю, что у меня их достаточно, чтобы прославить мое имя. Сейчас нет, да и раньше не было человека, который обладал бы таким количеством знаний и был наделен таким талантом к расследованию преступлений, как я. А что толку? Расследовать-то нечего. В лучшем случае попадается какое-нибудь неуклюже сработанное злодейство, мотив которого настолько очевиден, что даже полицейский из Скотланд-Ярда видит его насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше сменить тему.

– Интересно, что ищет вон тот парень? – сказал я, указывая на дюжего мужчину в простой одежде, который медленно шел по другой стороне улицы, напряженно всматриваясь в номера домов. Судя по тому, что в руке он держал большой голубой конверт, мужчина был посыльным.

– Вы имеете в виду того отставного сержанта морской пехоты? – уточнил Шерлок Холмс.

«Хвастун и позер! – подумал я. – Знает же, что я не могу проверить его догадку».

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, заметил номер на нашей двери и быстро пересек улицу. Мы услышали громкий стук внизу, рокочущий бас, затем тяжелые шаги на лестнице.

– Для мистера Шерлока Холмса, – сказал мужчина, входя в комнату и протягивая конверт моему товарищу.

Вот он, удобный случай для разоблачения. Ведь, выстре-

лив наугад, Холмс не мог предвидеть такого оборота событий.

– Могу я задать вам вопрос, приятель? – спросил я невиннейшим голосом. – Какова ваша профессия?

– Посыльный, сэр, – сипло ответил он. – Просто моя форма сейчас в ремонте.

– А кем вы были раньше? – поинтересовался я, с чуть коварной усмешкой поглядывая на своего компаньона.

– Сержантом, сэр, королевской легкой морской пехоты, сэр. Ответа не будет? Слушаюсь, сэр.

Он щелкнул каблуками, по-военному отсалютовал и удалился.

Глава 3

Тайна Лористон-гарденз

Должен признаться, меня изрядно взволновало это новое подтверждение практической пользы теорий моего компаньона. Мое уважение к его способностям неизмеримо возросло. Однако в глубине души все еще копошилось тайное подозрение, что весь этот эпизод был подстроен заранее, чтобы ошеломить меня, хотя, зачем моему товарищу это могло понадобиться, оставалось за гранью моего разума. Когда я снова посмотрел на него, он уже закончил читать письмо, и взгляд его стал отсутствующим и тусклым, что свидетельствовало о глубокой погруженности в собственные

мысли.

– Как, скажите вы мне ради бога, вам удалось это выяснить? – взмолился я.

– Выяснить – что? – раздраженно переспросил он.

– Как – что? То, что он отставной сержант морской пехоты.

– Мне некогда сейчас отвлекаться на пустяки, – резко ответил он, но, спохватившись, улыбнулся и добавил: – Простите за грубость. Вы нарушили ход моей мысли, впрочем, быть может, это и к лучшему. Значит, сами вы не смогли сообразить, что этот человек – сержант, бывший морской пехотинец?

– Конечно нет!

– Мне было легче догадаться, чем объяснить, как я это сделал. Если бы вас попросили доказать, что дважды два – четыре, вас бы это тоже затруднило, хотя вы ничуть не сомневались бы в самом факте. Хоть человек находился на другой стороне улицы, я заметил большой синий якорь, вытатуированный на тыльной стороне его ладони. Это навело меня на мысль о море. В то же время у него была военная выправка и предписанные уставом бакенбарды. Стало быть – морской флот. Вид этого человека средних лет не был лишен важности и некой командирской осанки. Вы должны были заметить, как он держал голову и помахивал тростью. Выражение его лица тоже свидетельствовало о том, что это степенный, уважаемый мужчина. Все это и подсказало

мне, что некогда он был сержантом.

– Потрясающе! – вырвалось у меня.

– Элементарно, – сказал Холмс, хотя по его лицу можно было догадаться, что ему польстили мое очевидное удивление и мое восхищение. – Только что я сказал вам, что в наши дни вывелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался – взгляните на это! – Он бросил мне через стол письмо, доставленное посыльным.

– Господи! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Это же ужасно!

– Это действительно, судя по всему, несколько выходит за обычные рамки, – спокойно заметил он. – Не откажите в любезности прочесть мне письмо вслух.

Вот текст, который я ему прочел:

– «Мой дорогой мистер Шерлок Холмс!

Нынешней ночью в Лористон-гарденз, 3, на Брикстон-роуд, произошло весьма неприятное событие. Около двух часов утра наш патрульный заметил свет в окне и, поскольку знал, что дом этот необитаем, заподозрил неладное. Дверь оказалась открытой, и в передней комнате, где нет никакой мебели, он обнаружил труп хорошо одетого джентльмена, в кармане которого были найдены визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, Огайо, Соединенные Штаты Америки. Никаких признаков ограбления и никаких улик, могущих подсказать, как именно нашел свою смерть этот человек. По всей комнате видны следы крови, но на тру-

пе – ни единой раны. Мы теряемся в догадках: как он попал в пустой дом; вообще все это дело – сплошной ребус. Если Вы сможете приехать сюда в любое время до полудня, то найдете меня здесь. Я сохранил все в *status quo* до получения Вашего ответа. Если же Вы прибыть не сможете, я сообщу Вам дополнительные подробности и буду чрезвычайно признателен, коли Вы любезно сообразовоите высказать свое мнение.

Искренне Ваш Тобиас Грегсон».

– Грегсон в Скотланд-Ярде – самый толковый, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом – лучшие в этой в общем-то очень слабой команде. Оба быстрые и энергичные, но слишком уж консервативные. К тому же друг с другом на ножках: ревнивы, как две профессиональные красотки. Раз в этом расследовании участвуют оба, есть шанс здорово повеселиться.

Меня удивило спокойствие, с каким журчал его голос.

– Не сомневаюсь, что нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Может быть, мне пойти привести вам кэб?

– Я не уверен, поеду ли. Я ведь самый неисправимый на свете ленивец и не люблю зря сбивать ноги – это, конечно, когда я не в форме, в другое время могу быть весьма прово-рен.

– Ну как же так! Ведь это именно тот случай, о котором вы мечтали.

– Мой дорогой друг, а какой мне в этом прок? Предположим, я распутаю дело. Можете не сомневаться, что Грегсон,

Лестрейд и компания прикарманят мои лавры. Вот что значит быть лицом неофициальным.

– Но он просит вас помочь.

– Да. Он понимает, что я превосхожу его по всем статьям, и признает это передо мной; но, доведись ему говорить об этом с третьим лицом, – язык проглотит. Тем не менее можно поехать посмотреть. Буду работать самостоятельно. Если ничего другого не остается, хоть посмеюсь над ними. Поехали!

Он быстро надел пальто и засуетился так, что стало ясно: летаргическая апатия уступила место мощному выбросу энергии.

– Берите шляпу, – велел он.

– Вы хотите, чтобы я ехал с вами?

– Да, если у вас нет более интересного занятия.

Минуту спустя мы уже сидели в пролетке, которая стремительно неслась по направлению к Брикстон-роуд.

Утро было туманное, небо затянуто облаками, коричневатая-серая дымка висела над крышами, будто отражение грязных улиц, простиравшихся внизу. Мой спутник пребывал в прекрасном настроении и непрерывно что-то болтал о кремонских скрипках и различиях между инструментами Страдивари и Амати¹². Что касается меня, то я молчал, меня угне-

---

¹² Амати из Кремоны – семейство, снискавшее в XVI – XVII веках славу великолепных скрипичных мастеров. Антонио Страдивари (1644–1737) – самый выдающийся их ученик.

тали пасмурная погода и прискорбность события, в которое мы оказались вовлечены.

– Вы, кажется, не слишком озабочены предстоящим расследованием, – заметил я наконец, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– У меня пока нет данных, – ответил он. – А начинать теоретизировать до того, как имеешь на руках все улики, – большая ошибка. Это может впоследствии привести к ложным суждениям.

– Скоро у вас будут данные, – заметил я, указывая пальцем: – Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь. Извозчик, стой! – Мы находились ярдах в ста от нужного места, но Холмс настоял, чтобы последнюю часть пути мы прошли пешком.

Дом номер три в Лористон-гарденз имел вид зловещий и словно бы таил в себе угрозу. Он стоял в ряду четырех зданий, выстроившихся вдоль узкого переулочка, отходящего вглубь от Брикстон-роуд, два из них были населены, два пустовали. Эти последние смотрели на мир тремя шеренгами печальных пустых окон, которые казались бы еще более мрачными, если бы не наклеенные на них там и сям объявления «Сдается», напоминавшие бельма катаракты на помутневших слепых роговицах. Крохотные палисаднички, негусто окропленные чахлыми растениями, отделяли каждый дом от тротуара; их пересекали узкие желтоватые до-

рожки, покрытые, скорее всего, смесью глины и гравия. После дождя, который шел всю ночь, их развезло, грязь повсюду стояла невероятная. С внешней стороны палисад был обнесен трехфутовой кирпичной стенкой с деревянными перилами поверху. Прислонившись к ней, у дома номер три стоял констебль в окружении небольшой группы зевак, которые вытягивали шеи и напрягали зрение в тщетной надежде увидеть хоть что-нибудь из происходившего внутри.

Я представлял себе, что Шерлок Холмс тут же ринется в дом и окунется в разгадывание тайны. Но он оказался несказанно далек от подобного намерения. С беспечным видом, который, учитывая обстоятельства, почти граничил с притворством, он слонялся туда-сюда по тротуару, отсутствующим взглядом обозревая землю, небо, дома на противоположной стороне и деревянные перила. Завершив свое обследование, он медленно двинулся по дорожке, точнее, по травяной кромке, обрамлявшей ее, не отрывая при этом глаз от земли. Дважды он останавливался, один раз я заметил на его лице улыбку и услышал, как он издал довольный возглас. На мокрой глинистой почве виднелось множество следов; но поскольку полицейские в последние часы беспрестанно ходили по ней взад-вперед, я не понимал, как мой компаньон надеется хоть что-нибудь узнать по этим затоптанным следам. Тем не менее я уже располагал выдающимися свидетельствами быстроты его реакции и незаурядной проницательности, поэтому вполне допускал, что он может увидеть

многое из того, что скрыто от моего взора.

У входа в дом нас встретил высокий бледнолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке, он бросился навстречу моему товарищу и с излияниями благодарности пожал ему руку.

– Как любезно, что вы приехали, – сказал он. – Я оставил здесь все, как было.

– Кроме этого! – ответил мой друг, указывая на дорожку. – Даже если бы тут прошло стадо буйволов, едва ли оно оставило бы после себя такое месиво. Впрочем, не сомневаюсь, Грегсон, что, прежде чем допустить это безобразие, вы осмотрели следы и сделали выводы из своих наблюдений.

– У меня было столько дел в доме, – уклончиво ответил детектив. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс взглянул на меня и саркастически поднял бровь.

– При наличии двух таких профессионалов, как вы и Лестрейд, третьему лицу здесь будет почти нечего делать, – сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Полагаю, мы сделали все, что следовало, – ответил он. – Тем не менее дело это необычное, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы приехали сюда не в кэбе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет, сэр.

– Тогда пойдёмте осмотрим комнату, – нелогично заключил Холмс и шагнул в дом, сопровождаемый Грегсоном, чье лицо выражало полное недоумение.

Короткий пыльный коридор с голыми стенами упирался в кухню и прочие подсобные помещения. Справа и слева имелись две двери. Одну из них, совершенно очевидно, не открывали уже много недель. Другая вела в столовую, это и была та комната, в которой случилось таинственное происшествие. Холмс вошел в нее, я последовал за ним с тем подавленным чувством в душе, которое всегда вызывало во мне присутствие смерти.

Большая квадратная комната из-за отсутствия мебели выглядела еще более просторной. Стены были обклеены вульгарными обоями с кричащим рисунком, местами они покрылись пятнами плесени, а кое-где оторвались и свисали длинными лохмами, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери имелся такой же безвкусно-шикарный камин с полкой из поддельного белого мрамора. На одном ее краю стоял огарок красной восковой свечи. Единственное окно оказалось таким грязным, что пропускало в комнату лишь тусклый неверный свет, придававший всему, что в ней находилось, уныло-серый оттенок, усугублявшийся толстым слоем пыли, покрывавшей всю квартиру.

Но все это я разглядел потом. А в первый момент мое внимание полностью сосредоточилось на одинокой злове-

ще-неподвижной фигуре, которая лежала на полу, уставившись в бесцветный потолок пустыми незрячими глазами. Это был человек лет сорока трех-четырех, среднего роста, широкоплечий, с жесткими вьющимися черными волосами и короткой щетинистой бородой. Одет он был в сюртук из плотного сукна, жилет, светлые брюки и безукоризненно белую рубашку. Шляпа с высокой тульей, идеально чистая, ничуть не поврежденная, лежала на полу рядом. Руки сомкнуты в кулаки и широко раскинуты, ноги сведены в мучительной предсмертной судороге. Застывшие черты выражали ужас и, как мне показалось, такую ненависть, какой я никогда еще не видел на человеческом лице. Эта злобная, чудовищная гримаса в сочетании с низким лбом, тупо обрубленным носом и выпирающими скулами придавали мертвецу обезьяний вид, усугублявшийся неестественно скрюченной позой. Мне доводилось видеть смерть во многих обличьях, но никогда еще она не представляла более ужасающей, чем теперь, в этой плохо освещенной мрачной комнате, окно которой выходило на одну из главных артерий лондонского предместья.

Лестрейд, тощий и, как всегда, похожий на хорька, приветствовал нас с Холмсом в дверях.

– Это дело вызовет много шума, сэр, – заметил он. – Оно затмевает все, что я видел до сих пор, а я не желторотый юнец.

– Нашли какие-нибудь зацепки? – спросил Грегсон.

– Никаких, – отпрапортовал Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, опустившись на колени, внимательно его осмотрел.

– Вы уверены, что на нем нет ран? – спросил он, указывая на многочисленные брызги и разводы крови, видневшиеся повсюду.

– Абсолютно! – воскликнули хором оба детектива.

– Тогда кровь, разумеется, принадлежит второму лицу – предположительно убийце, если здесь действительно произошло убийство. Это напоминает мне обстоятельства, сопутствовавшие смерти ван Янсена, имевшей место в Утрехте в 1934 году. Вы помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Почитайте о нем – вам будет полезно. Ничто не ново под луною. Все когда-нибудь уже было.

Пока он говорил, его проворные пальцы порхали туда-сюда, ощупывая, надавливая, расстегивая пуговицы, изучая, между тем как взгляд хранил отсутствующее выражение, которое я отметил ранее. Осмотр был произведен так быстро, что едва ли кто-нибудь смог бы догадаться, сколь тщательным он был. В заключение Холмс обнюхал губы покойного и взглянул на подошвы его лакированных ботинок.

– Его совсем не сдвигали с места? – спросил он.

– Не более чем было необходимо, чтобы осмотреть.

– Можете увозить в морг, – распорядился Холмс. – Больше мы от него ничего не узнаем.

У Грегсона наготове было четверо мужчин с носилками. По его приказу они вошли в комнату, подняли мертвого незнакомца и унесли. В тот момент, когда они перекладывали его на носилки, на пол, тихо звякнув, упало и покатилося кольцо. Лестрейд схватил его и стал озадаченно разглядывать.

– Здесь была женщина! – воскликнул он, протягивая колечко на вытянутой ладони. – Это женское обручальное кольцо.

Мы сгрудились вокруг него, уставившись на находку. Не было никаких сомнений, что некогда этот гладкий золотой ободок украшал палец новобрачной.

– Это осложняет дело, – сказал Грегсон. – Хотя, видит бог, оно и без того было достаточно запутанным.

– А вы не думаете, что это его упрощает? – заметил Холмс. – Впрочем, хватит без толку глазеть на кольцо. Что вы нашли у него в карманах?

– Вот, все здесь, – ответил Грегсон, выводя нас на крыльцо и указывая на кучку предметов, выложенных на нижней ступеньке. – Золотой брегет лондонской часовой фирмы «Барро» за номером 97163 на золотой альбертианской¹³ цепи, очень тяжелой и массивной. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка для галстука в виде головы бульдога с рубиновыми глазами. Визитница из русской кожи с кар-

---

¹³ Цепь для карманных часов, составленная из массивных звеньев; свое название получила по имени принца Альберта (1819–1861), мужа королевы Виктории.

точками на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует меткам «ЕДД» на белье. Кошелька не было, но в карманах имелись деньги в сумме семи фунтов тринадцати шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо, на форзаце – имя некоего Джозефа Стэнджерсона. Два письма. одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое – Джозефу Стэнджерсону.

– Какой адрес на конвертах?

– Американский почтовый пункт, Стрэнд, до востребования. Оба письма отправлены из паровой компании «Гион» и касаются расписания судов этой компании, отплывающих из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

– Вы что-нибудь попытались узнать об этом Стэнджерсоне?

– Разумеется, сэр, первым делом, – сказал Грегсон. – Я разослал объявления во все газеты и отправил своего человека в Американский почтовый пункт, но он еще не вернулся.

– А запрос в Кливленд послали?

– Мы телеграфировали туда еще утром.

– Что вы написали в телеграмме?

– Просто обрисовали ситуацию и попросили сообщить нам любые сведения, которые могут помочь следствию.

– Вы не задали никаких конкретных вопросов, которые кажутся вам существенными?

– Я спросил о Стэнджерсоне.

– Больше ничего? По-вашему, нет здесь особого обстоятельства, на котором зиждется все это дело? Не хотите телеграфировать дополнительных вопросов?

– Я спросил все, что должен был спросить, – обиженно ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и собирался было отпустить какое-то замечание, когда Лестрейд, который оставался в комнате, пока мы беседовали на крыльце, снова появился на сцене, торжественно и самодовольно потирая руки.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие чрезвычайной важности: нашел улику, которая была бы упущена, не осмотри я стены с должной скрупулезностью.

Глаза коротышки сверкали, он с трудом сдерживал ликование оттого, что утер нос коллеге.

– Идите сюда, – позвал он, бросаясь обратно в комнату, атмосфера которой словно бы стала чище после того, как ужасный обитатель этой комнаты был унесен. – Встаньте-ка здесь! – Он зажег спичку, чиркнув ею о подошву, и, приблизив огонек к стене, победно произнес: – Взгляните на это!

Я уже говорил, что в некоторых местах обои оторвались. В том углу, куда указывал Лестрейд, со стены свисал большой лоскут, обнажая желтый квадрат грубой штукатурки. Поперек него кроваво-красными буквами было накорябано одно слово:

RACHE

– Ну, что вы об этом думаете? – воскликнул детектив с видом балаганного зазывалы, желающего привлечь внимание публики к выступлению. – Этой надписи никто не заметил потому, что она находится в самом темном углу, никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал – или написала – это собственной кровью. Взгляните на подтек, здесь кровь стекала по стене! Это, во всяком случае, исключает версию самоубийства. Хотите знать, почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на каминной полке? В тот момент она горела, и этот угол был не самым темным, а самым освещенным участком стены.

– Ну, и что означает эта *ваша* находка? – презрительно спросил Грегсон.

– Что означает? Ну как же, она означает, что человек хотел написать женское имя Рейчел, но ему что-то помешало закончить. Помяните мое слово, когда это дело будет раскрыто, окажется, что к нему так или иначе причастна некая женщина по имени Рейчел. Можете сколько угодно смеяться, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, очень умны и догадливы, но, когда все уже сказано и сделано, нет ничего лучше старой ищейки.

– Простите великодушно! – извинился мой компаньон, который так рассердил коротышку, не сумев сдержать смеха. – Разумеется, вам следует отдать должное как первому среди нас, кто нашел эту надпись, и она, как вы справедливо заметили, наверняка была сделана вторым участником таин-

ственных событий, случившихся здесь прошлой ночью. Я не успел еще осмотреть комнату, но, с вашего позволения, сделаю это теперь.

Продолжая говорить, он достал из кармана рулетку и большую круглую лупу и с этими двумя инструментами начал бесшумно обходить комнату, иногда останавливаясь, иногда опускаясь на колени, а однажды даже распластался ничком на полу. Он был так поглощен своим занятием, что, казалось, забыл о нашем присутствии: все время бормотал что-то себе под нос, то ворча, то присвистывая, то радостно издавая тихие одобрительные возгласы. Пока я наблюдал за ним, мне невольно пришло на ум сравнение с чистопородной, хорошо выдрессированной английской паратой¹⁴ гончей, стремительно мечущейся по лесной чаще в поисках утерянного следа. Он продолжал свои изыскания минут двадцать, а то и больше, тщательно вымеряя расстояния между некими неведомыми мне отпечатками и время от времени прикладывая рулетку к стене с равным образом непостижимыми для меня целями. В одном месте он очень аккуратно собрал с пола небольшую кучку серой пыли и ссыпал ее в конверт. Наконец он исследовал с помощью лупы надпись на стене, задерживаясь на каждой букве с дотошной вниманием. Покончив и с этим, он, видимо, остался доволен,

---

¹⁴ Паратость – быстрота, с которой гончая преследует зверя. По сравнению с гончей пешей, более медлительной, паратая находится ближе к зверю, улавливает более сильный по запаху след и не оставляет зверю времени на продельвание уловов.

потому что спрятал в карман и рулетку, и лупу.

– Говорят, что гений – это прежде всего способность неустанно прилагать усилия, – заметил он с улыбкой. – Совершенно неправильное определение, но по отношению к работе сыщика оно справедливо.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-любителя с изрядным любопытством и некоторым презрением. Судя по всему, они не сумели понять то, что началось доходить до меня: все мельчайшие действия Шерлока Холмса направлены к одной определенной практической цели.

– Ну, и что вы об этом думаете, сэр? – спросили они хором.

– Не хочу лишать вас заслуги раскрытия этого дела, претендуя на роль помощника, – скромно заметил мой друг. – Вы так успешно продвигаетесь вперед, что любое вмешательство неуместно. – Его голос был преисполнен сарказма. – Однако, если вы сочтете возможным держать меня в курсе вашего расследования, – продолжал он, – в дальнейшем я буду счастлив помочь чем смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, обнаружившим труп. Не могли бы вы сообщить мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свой блокнот и сказал:

– Его зовут Джон Рэнс. Сегодня он выходной, но вы сможете найти его по адресу Одли-корт, сорок шесть, Кеннингтон-Парк-Гейт.

Холмс записал адрес.

– Пошли, доктор, – сказал он. – Навестим его. Могу все же сообщить кое-что, что может вам помочь, – обратился он к детективам. – Здесь произошло убийство, убийца – мужчина. Это человек ростом более шести футов, в расцвете сил, у него маленькие для его роста ступни, он был обут в грубые ботинки с квадратными мысами и курил трихинопольскую сигару. Сюда он прибыл вместе со своей жертвой в четырехколесном кэбе, запряженном одной лошадью с тремя старыми подковами и одной новой – на правой передней ноге. Скорее всего, у убийцы красное лицо, а на правой руке необычно длинные ногти. Вот несколько незначительных примет, но, вероятно, они могут оказаться вам полезными.

Лестрейд и Грегсон переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Если этого человека действительно убили, то как это было сделано? – спросил первый.

– Яд, – коротко сообщил Холмс и решительно направился к выходу, но в дверях обернулся и добавил: – А «Rache» по-немецки означает «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рейчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он удалился, оставив двух соперников стоять с открытыми ртами.

Глава 4

Что рассказал Джон Рэнс

Был час дня, когда мы покинули дом номер три в Лористон-гарденз. Шерлок Холмс повел меня в ближайшее отделение связи, откуда отправил длинную телеграмму. Потом он кликнул кэб и велел извозчику отвезти нас по адресу, который сообщил Лестрейд.

– Нет ничего лучше, чем свидетельство очевидца, – заметил он. – В сущности, дело мне уже совершенно ясно, однако никакой информацией не следует пренебрегать.

– Вы меня удивляете, Холмс, – сказал я. – Бьюсь об заклад, вы не так уверены во всех тех приметах, которые сообщили, как пытаетесь показать.

– Уверенней и быть невозможно, – ответил он. – Первое, что я заметил по прибытии, это две колесные колеи у края тротуара, проложенные кэбом. Вплоть до прошлого вечера целую неделю дождя не было, значит, экипаж, от колес которого остался столь глубокий след, был здесь прошлой ночью. На земле имеются также отпечатки лошадиных подков, очертания одной из них гораздо более четкие, чем трех остальных, следовательно, эта подкова – новая. Поскольку кэб приехал сюда после того, как начался дождь, а сегодня утром никаких экипажей здесь не было – Грегсон меня в этом заверил, – следы оставлены ночью тем экипажем, кото-

рый привез сюда обоих участников драмы.

– Хорошо, это действительно просто, – согласился я, – но как вы определили рост человека?

– Ну, рост в девяти случаях из десяти можно определить по длине шага. Рассчитать это совсем несложно, но я не хочу обременять вас цифрами. Следы этого человека отпечатались как на глине снаружи, так и в пыли внутри дома. Потом у меня была возможность проверить свои подсчеты. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно держит руку на уровне глаз. Надпись сделана на высоте чуть выше шести футов. Детская задачка.

– А возраст? – настаивал я.

– Видите ли, если человек без малейших усилий перематывает препятствие длиной в четыре с половиной дюйма, его путь не может быть усеян желтой листвой. А именно такая длина лужи на садовой дорожке, которую он совершенно очевидно перешагнул. Лаковые туфли ее обошли, а тупоносые ботинки перепрыгнули. Во всем этом нет никакой тайны. Просто я применяю в повседневной жизни кое-какие из тех приемов наблюдения и дедукции, которые отстаивал в своей статье. Вас еще что-нибудь смущает?

– Ногти и трихинопольская сигара, – вспомнил я.

– Надпись на стене сделана мужским указательным пальцем, смоченным кровью. С помощью лупы я увидел, что штукатурка была при этом слегка процарапана, чего не случилось бы, будь ногти острижены. Дальше. С пола я собрал

немного рассыпанного пепла. Он оказался темным и чешуйчатым – такой пепел остается только от трихинопольских сигар. Я специально изучал разновидности сигарного пепла – даже написал об этом монографию. Без ложной скромности скажу, что могу по внешнему виду определить пепел любой из существующих марок сигар, а также трубочного табака. Именно знанием подобных вещей искусный сыщик и отличается от сыщиков типа Грегсона и Лестрейда.

– А красное лицо? – спросил я.

– А-а! Вот это был самый рискованный вывод, хотя, не сомневаюсь, правильный. Пока не просите меня его объяснить.

Я потер лоб и заметил:

– У меня голова идет кругом. Чем больше думаешь об этом деле, тем загадочней оно кажется. Как эти два человека – если их действительно было двое – попали в пустой дом? Куда подевался извозчик, который их привез? Как мог один человек уговорить другого принять яд? Откуда взялась кровь? С какой целью совершено убийство, если ограбление исключается? Как попало туда женское обручальное кольцо? И главное – зачем второй мужчина, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «rasche»? Признаюсь, я не вижу никакой возможности совместить все эти факты.

Мой компаньон одобрительно улыбнулся.

– Вы очень сжато и точно подытожили все сложности, – сказал он. – Многое в этом деле пока и впрямь остается смутным, хотя основные факты мне совершенно ясны. Что же ка-

сается открытия бедолаги Лестрейда, то это была всего лишь намеренная попытка направить полицию по ложному следу, заставив ее искать связь с поборниками социализма и их тайными обществами. Надпись сделана не немцем. Если вы заметили, буква «а» стилизована под готический шрифт, между тем как настоящий немец, несомненно, написал бы просто латинскую букву. Отсюда вывод: мы имеем дело не с немцем, а с неумелым, переигрывающим имитатором. Все это просто уловка, призванная увести следствие в сторону. Больше я вам ничего не расскажу, доктор. Вы же знаете, фокусник тут же утрачивает доверие публики, как только разоблачает свои трюки, и если я слишком уж раскрою перед вами секреты своего метода, вы сочтете меня в конце концов самой заурядной личностью.

– Вот этого не будет никогда! – горячо заверил я. – Вы превратили расследование преступлений в почти точную науку, и отныне это открытие вечно будет служить людям.

Мой компаньон самодовольно зарделся от моих слов и той серьезности, с какой я их произнес. Я уже имел случай заметить, что он был равнодушен к лесте, касающейся его искусства, как девушка – к лесте, касающейся ее красоты.

– Я еще кое-что вам скажу, – добавил Холмс. – Лакированные туфли и тупоносые ботинки прибыли в одном кэбе и по дорожке проследовали вместе вполне дружелюбно – рука об руку, можно сказать. Оказавшись внутри, они расхаживали по комнате – точнее, лакированные туфли стояли на ме-

сте, а расхаживали тупоносые ботинки. Все это я прочел по следам на пыльном полу; увидел я также и то, что мало-помалу тот, кто был в ботинках, все более распался. Об этом свидетельствует увеличивающаяся длина шагов. Он все время что-то говорил, несомненно, взвинчивая себя до состояния бешенства. Потом случилась трагедия. Ну вот, я рассказал вам все, что знаю сам, потому что остальное – пока лишь догадки и спекуляции. Тем не менее для работы у нас есть прочная основа, с которой можно начинать. А теперь нужно поторопиться, потому что я хочу успеть на концерт оркестра Халлэ¹⁵, сегодня с ним играет Норман-Неруда¹⁶.

Этот разговор происходил, пока наш кэб тащился по длинной веренице сомнительных грязных улиц и мрачных переулков. Заехав в самый сомнительный и мрачный из них, наш извозчик внезапно остановил лошадь.

– Одли-корт – там, – сказал он, указывая на узкую щель между мертвенно-серыми кирпичными стенами. – Я буду ждать вас здесь.

Назвать Одли-корт привлекательным районом ни у кого бы не повернулся язык. Узкий проход вывел нас в четырехугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный жалкими хибарами. Пройдя между стайками грязных ребятишек, поднырнув под веревки, на которых сушилось вылинявшее белье, мы добрались наконец до номера сорок ше-

---

¹⁵ Халлэ, Карл (Чарлз) (1819–1895) – немецкий музыкант и дирижер.

¹⁶ Норман-Неруда, Вильма (1839–1911) – моравская скрипачка.

стого, на двери которого красовалась маленькая медная табличка с выгравированной на ней фамилией: «Рэнс». Как выяснилось, констебль спал, нас проводили в крохотную гостиную и попросили подождать.

Констебль появился довольно скоро, но был явно раздрадован тем, что потревожили его покой.

– Я уже все доложил в участке, – сказал он.

Холмс достал из кармана полсоверена и многозначительно повертел его в пальцах.

– Нам хотелось бы услышать это непосредственно из ваших уст, – сказал он.

– Буду рад сообщить вам все, что смогу, – ответил констебль, не сводя взгляда с блестящего золотого кружка.

– Пожалуйста, расскажите все по порядку.

Рэнс сел на диван, набитый конским волосом, сосредоточенно сдвинул брови, словно собирался с мыслями, чтобы ничего не пропустить, и сказал:

– Начну с самого начала. Моя смена – с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать часов в «Белом олене» произошла потасовка, но в остальном на моей территории все было как обычно. В час ночи полил дождь, и я встретил Харри Мерчера – ну, того, чей участок на Холланд-гроув, – мы с ним постояли, потрепались немного на углу Генриетта-стрит. Вскоре после этого – часа в два, может, чуть позже – я подумал, что нужно проверить, все ли тихо на Брикстон-роуд. Там была непролазная грязь и жутко пусто. Я не

встретил ни души, только один или два кэба проехали мимо. Ну вот, тащусь это я по улице и думаю про себя: хорошо бы сейчас пропустить четырехпенсовый стаканчик горячего джина; глядь, а в окне того самого дома – свет. Ну, я же знаю, что в тех двух домах в Лористон-гарденз никто не живет, потому что тип, которому они принадлежат, не соизволил прочистить там канализацию, хотя последний жилец, который еще оставался в одном из них, умер как раз от брюшного тифа. Я был уставший как собака, однако, увидев свет в окне, заподозрил, что что-то там не так. Когда я подошел к двери...

– Вы остановились и вернулись к калитке, – перебил его мой компаньон. – Почему вы это сделали?

Рэнс аж подпрыгнул при этих словах и уставился на Шерлока Холмса с выражением крайнего изумления на лице.

– Да, сэр, это так, – признался он. – Но, видит бог, представить себе не могу, откуда вы это узнали. Понимаете, когда я подошел к двери, кругом было так тихо и безлюдно, что я подумал: неплохо бы прихватить с собой кого-нибудь. Вообще-то по эту сторону могилы я не боюсь ничего, но мне ведь что стукнуло в голову: уж не тот ли это парень, который умер от тифа, явился взглянуть на трубы, которые его доконали? Вот это-то и заставило меня вернуться к калитке – посмотреть, не видно ли где Мерчерова фонаря, но ни Мерчера, ни кого другого поблизости не было.

– На всей улице?

– Ни одной живой души, сэр, даже собаки. Тогда я собрался с духом, пошел обратно и толкнул дверь. Внутри все было тихо, и я заглянул в комнату, где горел свет. Там на каминной полке трепыхалась свеча – красная, восковая, – и в ее свете я увидел...

– Да, я знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату по кругу, потом опустились на колени возле трупа, после чего двинулись к кухонной двери, подергали ее и...

Джон Рэнс вскочил на ноги с испуганным видом и подозрительно посмотрел на Холмса.

– А где же это вы прятались, раз все это видели? – вскричал он. – Больно много вам известно.

Холмс рассмеялся и бросил констеблю через стол свою визитку.

– Не надо арестовывать меня за убийство, – сказал он. – Я – гончая, а не волк; мистер Грегсон и мистер Лестрейд могут это подтвердить. Продолжайте, пожалуйста. Что вы сделали после этого?

Рэнс снова сел, хотя взгляд его продолжал оставаться озадаченным.

– Ну, я опять пошел к калитке и засвистел в свисток. На мой свист сразу же явились Мерчер и еще двое.

– Улица и на этот раз была пуста?

– Можно и так сказать, во всяком случае, там не было никого, кто способен передвигаться на двух ногах.

– Что вы имеете в виду?

Лицо констебля расплылось в широкой ухмылке.

– Знаете, я на своем веку повидал немало пьянчуг, – сказал он, – но такого мертвецки пьяного забулдыги еще никогда в жизни не встречал. Когда я вышел, он буквально лежал на перилах и во всю глотку орал песню «Вперед, Колумбия» и что-то про новый полосатый флаг. Какая от такого помощь – он и на ногах-то стоять не мог.

– Какой это был человек? – спросил Шерлок Холмс.

Джона Рэнса, похоже, начинало раздражать, что ему задают не относящиеся к делу вопросы.

– Какой-какой... Вусмерть пьяный, вот какой, – ответил он. – И ночевать бы ему в участке, если бы мы не были так заняты.

– А лицо, одежда, вы не обратили на них внимания? – нетерпеливо перебил его Холмс.

– Как не обратить, нам же с Мерчером пришлось его поднимать. Он был длинный, с красным лицом, подбородок и рот закутаны шарфом...

– Этого достаточно! – воскликнул Холмс. – Что с ним случилось?

– Некогда нам было с ним валандаться – и без того дел оказалось по горло, – обиженно сказал полицейский. – А вы за него не волнуйтесь – авось сам дополз как-нибудь до дома, что такому сделается?

– Как он был одет?

– В коричневый плащ.

– А хлыста у него не было?

– Хлыста? Нет.

– Должно быть, он его потерял, – пробормотал мой компаньон.

– Вы не видели или, быть может, слышали, чтобы после этого поблизости проезжал кэб?

– Нет.

– Вот ваши полсоверена, – сказал Холмс, вставая и беря шляпу. – Боюсь, Рэнс, вам никогда не подняться по службе. Голова должна служить не только для украшения, ею иногда надо думать. Прошлой ночью вы упустили свои сержантские лычки. Человек, которого вы ставили на ноги, – тот самый, кого мы ищем; и у него – ключ к разгадке этой тайны. Сейчас бесполезно что-либо объяснять, но говорю вам: это именно так. Поехали, доктор.

Мы направились к ожидавшему нас кэбу, оставив своего информатора обескураженным: он, конечно же, не поверил Холмсу, однако был явно растревожен.

– Непроходимый дурак! – с горечью сказал Холмс, когда мы возвращались домой. – Подумать только: ему так повезло, а он проворонил свою удачу.

– Мне, пожалуй, все же неясно. Да, описание этого человека совпадает с воспроизведенным вами портретом второго участника таинственных событий. Но зачем ему было возвращаться туда, откуда удалось сбежать? Преступники так не поступают.

– Кольцо, друг мой, кольцо: вот за чем он вернулся. И если у нас нет иной возможности его поймать, мы наверняка сможем приманить его этим кольцом. Я его поймаю, доктор. Ставлю два против одного, что я его поймаю. И за все это я должен благодарить вас. Если бы не вы, я бы никуда не поехал и самый интересный шахматный этюд, какой мне когда-либо доводилось решать, прошел бы мимо меня. А если воспользоваться жаргоном живописцев, то можно назвать его этюдом в багровых тонах. Как вам? Багровая нить убийства вплетена в бесцветную ткань жизни, и наш долг найти ее, отделить и выставить напоказ, всю, до последнего дюйма. А теперь обедать – и слушать Норман-Неруду. Ее фразировка и техника владения смычком восхитительны. Как там в этой вещице Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-лей¹⁷.

Откинувшись на спинку сиденья, этот блаухаунд-любитель залился веселой трелью, словно жаворонок, предоставив меня размышлениям над многогранностью человеческого интеллекта.

---

¹⁷ Следует отметить, что Шопен никогда не писал произведений для соло на скрипке.

Глава 5

Посетитель, явившийся по нашему объявлению

Утренние усилия оказались чрезмерным испытанием для моего слабого здоровья, к середине дня я чувствовал себя вконец измученным. После того как Холмс отправился в концерт, я лег на диван и попробовал соснуть пару часов. Тщетная попытка. Мозг мой был перевозбужден увиденным, в нем роились самые странные догадки и фантазии. Всякий раз, закрывая глаза, я видел перед собой гориллоподобную физиономию убитого мужчины. Впечатление, которое она произвела на меня, было столь зловещим, что я помимо собственной воли не мог испытывать ничего, кроме благодарности, к тому, кто избавил мир от этого чудовища. Если когда-либо человеческое лицо так откровенно воплощало в себе зло в его крайнем проявлении, то это, конечно же, было лицо Еноха Дж. Дреббера из Кливленда. Тем не менее я понимал, что справедливость должна свершиться и что в глазах закона порочность жертвы не является оправданием для убийцы.

Чем больше я размышлял, тем более выдающейся казалась мне гипотеза моего компаньона о том, что мужчину отравили. Я вспомнил, как Холмс обнюхал его губы, и понял, что именно в тот момент он обнаружил нечто, натолк-

нующее его на эту мысль. Опять же: если не яд, то что могло послужить причиной смерти, раз на трупе нет ни ран, ни следов удушения? Но с другой стороны, чья кровь оставила столь обильные следы на полу? В комнате не видно никаких признаков борьбы, и у жертвы не найдено оружия, которым он мог бы ранить своего противника. Я чувствовал, что, пока все эти вопросы остаются без ответа, уснуть будет нелегко, как Холмсу, так и мне. Его спокойствие и уверенность в себе убеждали меня в том, что он уже составил теорию, объясняющую все эти факты, хотя, в чем она заключается, я не мог даже предположить.

Вернулся Холмс очень поздно – настолько поздно, что я понял: побывал он не только в концерте. Ужин был подан еще до его возвращения.

– Это было восхитительно, – сказал он, усаживаясь за стол. – Помните, что говорит Дарвин о музыке? Он утверждает, что способность воспроизводить и воспринимать ее была присуща человечеству задолго до того, как оно обрело дар речи. Вероятно, именно поэтому музыка так неизъяснимо волнует нас. В наших душах хранится смутная память о тех туманных веках, когда мир пребывал еще в младенческом состоянии.

– Весьма смелая мысль, – заметил я.

– А человеческая мысль и должна быть такой же смелой, как сама природа, если она претендует на то, чтобы постигать и объяснять природу, – ответил он. – Что с вами? Вы

неважно выглядите. Наверное, это события на Брикстон-роуд выбили вас из колеи.

– По правде сказать, так оно и есть, – признался я. – Хотя мне, с моим афганским опытом, следовало бы быть более стойким. Я ведь не терял присутствия духа даже тогда, когда у меня на глазах моих товарищей разрубали саблями на куски в битве при Мейванде.

– Это нетрудно понять. Тайна стимулирует воображение. Где нет воображения, там нет и страха. Вы видели вечернюю газету?

– Нет.

– В ней напечатан весьма детальный отчет о деле. Не упоминается лишь о женском обручальном кольце, которое выпало на пол, когда поднимали убитого. Но это как раз хорошо.

– Почему?

– Взгляните на это объявление, – вместо ответа предложил он. – Сегодня утром, прямо после осмотра места преступления, я разослал его во все вечерние выпуски.

Он пододвинул мне газету, и я взглянул туда, куда он указал. Объявление стояло первым в колонке «Находки»: «Сегодня утром на Брикстон-роуд, – говорилось в нем, – на участке между таверной «Белый олень» и Холланд-гроув, найдено гладкое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Ватсону, 221-б, Бейкер-стрит, сегодня вечером с восьми до девяти часов».

– Простите, что без разрешения воспользовался вашим именем, – извинился Холмс. – Если бы я указал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы догадаться, в чем дело, и помешать.

– Не стоит извинений, – успокоил его я. – Но предположим, что кто-то действительно явится по объявлению. У меня ведь нет никакого кольца.

– Есть, вот оно, – возразил он, протягивая мне кольцо. – Почти неотличимо от оригинала – вполне сойдет.

– И кто, как вы ожидаете, откликнется на объявление?

– Ну как же, человек в коричневом плаще, разумеется, – наш краснолицый друг в тупоносых ботинках. Если он не придет сам, то пришлет сообщника.

– А он не сочтет, что это слишком опасно?

– Отнюдь. Если я правильно представляю себе дело, а у меня есть все основания так полагать, этот человек скорее рискнет чем угодно, чем откажется от кольца. По моим соображениям, он обронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и не сразу обнаружил пропажу. Он заметил ее лишь после того, как покинул дом, и тут же бросился назад, но увидел, что туда уже прибыли полицейские, – из-за его собственной оплошности: он забыл погасить свечу. Ему пришлось притвориться пьяным, чтобы отвести от себя подозрения, на которые могло бы натолкнуть его появление у калитки. А теперь поставьте себя на место этого человека. Хорошенько все обдумав, он, вероятно, решил, что мог по-

терять кольцо на дороге, когда убежал. Что он станет делать дальше? Внимательно просмотрит вечерние газеты в надежде найти нужное сообщение в разделе найденных вещей. И его взгляд, конечно же, упадет на мое объявление. Он страшно обрадуется. Почему, собственно, он должен бояться ловушки? С его точки зрения, нет никаких причин связывать находку кольца с убийством. Он должен прийти. Он придет. В течение ближайшего часа вы его увидите.

– А потом?

– А потом вы оставите меня с ним наедине. У вас есть оружие?

– Старый табельный револьвер и несколько патронов к нему.

– Почистите-ка вы его и зарядите. Человек это отчаянный, и, хоть я надеюсь застать его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я отправился к себе в спальню и последовал его совету. Когда я вернулся в столовую с револьвером, посуда со стола была уже убрана, а Холмс предавался любимому занятию – царапал свою скрипку смычком.

– Сюжет сгущается, – сказал он, заметив меня. – Я только что получил ответ на свою телеграмму, посланную в Америку. Он подтверждает, что суть дела я представил себе правильно.

– И в чем же она? – нетерпеливо спросил я.

– Надо бы мне поменять струны на скрипке, – заметил

он. – Положите револьвер в карман. Когда явится этот парень, говорите с ним самым обычным тоном. Остальное предоставьте мне. И не бурявьте его взглядом – спугнете.

– Уже восемь, – сказал я, посмотрев на часы.

– Да. Он должен быть с минуты на минуту. Приоткройте, пожалуйста, дверь. Достаточно. А теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Благодарю вас. Занятную книжку купил я сегодня в букинистической лавке – «De Jure inter Gentes»¹⁸, издана на латыни в 1642 году в Льеже, в равнинной Шотландии. Когда этот маленький томик в коричневом переплете увидел свет, голова Карла еще прочно покоилась на его плечах¹⁹.

– И кто ее издал?

– Некий Филип де Круа. На форзаце почти совсем выцветшими чернилами написано: «Экс либрис Гульельми Уайта». Интересно, кем был этот Уильям Уайт? Должно быть, каким-нибудь юристом-догматиком семнадцатого века. В его почерке есть что-то «крючкотворское». А вот, полагаю, и тот, кого мы ждем.

У входной двери послышался отрывистый звонок. Шерлок Холмс по-кошачьи проворно встал и передвинул свое кресло поближе к двери. Мы услышали шаги служанки по коридору, потом лязг отодвигаемой щеколды.

---

¹⁸ «О международном праве».

¹⁹ Карл Первый, английский король, вступивший на трон в 1625 году, в 1649 году был обезглавлен.

– Доктор Ватсон здесь живет? – спросил отчетливый, хотя и довольно сиплый голос. Мы не слышали, что ответила служанка, но дверь захлопнулась, и кто-то стал подниматься по лестнице. Шаги оказались неуверенными и шаркающими, и у моего компаньона, прислушивавшегося к ним, на лице отразилось удивление. Посетитель медленно проследовал через коридор второго этажа и робко постучал в дверь.

– Войдите! – крикнул я.

В ответ на мое приглашение в комнату вошел отнюдь не громила, какого мы ожидали, а очень старая сморщенная женщина, припадающая на одну ногу. Оказавшись на ярком свете, она беспомощно сощурилась и, неуклюже изобразив подобие книксена, уставилась на нас близорукими, беспрерывно моргающими глазами, нервно шаря при этом в кармане дрожащими пальцами. Я бросил взгляд на своего приятеля. У него был такой несчастный вид, что я с трудом сдержал улыбку.

Жалкая старуха достала из кармана смятую газету и ткнула пальцем в наше объявление.

– Я вот чего пришла-то, добрые господа, – сказала она, снова смешно приседая. – Золотое обручальное кольцо с Брикстон-роуд. Это кольцо моей дочки, Салли. Она замуж вышла – года еще не сравнялось. А муж у ней буфетчик, за границу плавает на пароходе, на этом, как его... на «Юнион», вот. Ужас что будет, если он вернется, а у ней кольца нет. Он и обычно-то скор на расправу, а уж коли напьется...

Вам же, наверно, надо знать, как она его потеряла, так я расскажу: пошла это она вчера в цирк с...

– Это оно? – перебил я, протягивая старухе кольцо.

– Слава тебе господи! – запричитала старуха. – Уж как Салли обрадуется-то сегодня. Ее это кольцо, оно самое.

– Где вы живете? – строго спросил я, берясь за карандаш.

– На Данкан-стрит, в Хаундсдиче, в тринадцатом доме. Ох и далеко же это отсюда!

– Но путь из Хаундсдича к какому бы то ни было цирку не проходит по Брикстон-роуд, – резко вставил Холмс.

Старуха повернула к нему голову, пронзительно на него взглянула своими покрасневшими маленькими глазками и ответила:

– Этот господин ведь спросил меня, где я живу. А Салли проживает в другом месте: в меблированных комнатах, дом три по Мейфилд-плейс, в Пекхеме.

– Ваша фамилия...

– Сойер моя фамилия, Сойер, а ее теперь – Деннис, как у мужа, Тома Денниса. Он вообще-то человек смирный и трезвый, пока плавает. На работе его считают самым лучшим буфетчиком. Но уж как сойдет на берег – тут уж его ни от пивной, ни от шлюх не оттащишь...

– Вот вам ваше кольцо, миссис Сойер, – прервал я ее излияния, повинувшись едва заметному знаку своего компаньона. – У меня больше нет сомнений, что оно действительно принадлежит вашей дочери, и я с радостью возвращаю его

законной владелице.

Не переставая бормотать благодарности и моля бога ниспослать мне всяческие милости за мою доброту, старуха аккуратно положила кольцо в карман и, все так же шаркая и прихрамывая, вышла. Когда мы услышали, что она начала спускаться по лестнице, Шерлок Холмс вскочил и бросился в свою комнату. Через несколько секунд он появился снова, одетый в ольстер²⁰, с обмотанной платком шеей.

– Я прослежу за ней, – поспешно сказал он. – У нее должен быть сообщник, и она меня к нему приведет. Дождитесь меня.

Не успела входная дверь закрыться за нашей посетительницей, как Холмс уже сбегал вниз по лестнице. Выглянув в окно, я увидел, что старуха ковыляет по другой стороне улицы, а за ней, на небольшом расстоянии, неотступно следует Холмс. «Либо его теория неверна, – подумал я, – либо он в настоящий момент приближается к самой сердцевине этой тайны». Излишне было просить меня дождаться его, я бы и сам не смог заснуть, не услышав, чем кончилась его вылазка.

Холмс ушел около девяти. Я понятия не имел, как долго он будет отсутствовать, но сидел, флегматично попыхивая трубкой и рассеянно скользя глазами по страницам «Жизни богемы» Анри Мюрже. Когда минуло десять, я услышал торопливые шаги служанки, идущей спать. В одиннадцать ми-

---

²⁰ Ольстер – модель пальто, введенная в обиход белфастской (Ольстер) фирмой «Джон Г. Макги и К^о».

мо моей двери куда более величавой поступью прошествовала, тоже отправляясь на покой, наша хозяйка. И только почти в полночь я услышал скрежет ключа. Стоило Холмсу войти, как я тут же понял, что его постигла неудача, понял по выражению его лица: восхищение и досада боролись в нем, пока первое не взяло верх и он не разразился добродушным смехом.

– Только бы мои приятели из Скотланд-Ярда не узнали об этом, – хохоча, сказал он и плюхнулся в кресло. – Я столько раз оставлял их в дураках, что уж они не упустят возможности поиздеваться надо мной. А сам я могу над собой посмеяться, потому что знаю, что в конце концов все равно их оставлю.

– Да что случилось-то? – спросил я.

– О, эта история достойна рассказа, хоть она меня и несколько компрометирует. Виденное вами существо, отойдя на небольшое расстояние, вдруг сильно захромало, всячески демонстрируя, что стерло себе ногу. Потом старуха остановилась и окликнула проезжавший мимо четырехколесный кэб. Я постарался подобраться как можно ближе, чтобы услышать, какой адрес она назовет, но, как выяснилось, в этом не было никакой необходимости, потому что она проорала так, чтобы было слышно на другом конце улицы: «Данкан-стрит, тринадцать, Хаундсдич!» Я уж подумал было, что все так и есть, как она рассказала, но решил проверить и пристроился на запятках. Умением ездить на запят-

ках каждый сыщик должен владеть в совершенстве. Так мы тряслись по брусчатке, нигде не останавливаясь, пока не прибыли на искомую улицу. Спрыгнув чуть раньше, чем экипаж подкатил ко входу, я небрежно двинулся по тротуару, словно праздный прохожий, и увидел, как кэб остановился, извозчик спрыгнул с козел, открыл дверцу и застыл в ожидании. Но из кэба никто не появился. Когда я поравнялся с извозчиком, тот лихорадочно обшаривал пустую кабину, после чего разразился каскадом таких витиеватых ругательств, каких я в жизни не слыхивал. Его пассажирки и след простыл, так что денежки свои он вряд ли когда-нибудь получит. Наведя справки в номере тринадцать, мы узнали, что дом принадлежит уважаемому обойщику по фамилии Кесуик и что в нем никогда слыхом не слыхивали ни о каких Соьерах или Деннисах.

– Не хотите ли вы сказать, – не поверил я своим ушам, – что эта немощная старуха сумела на ходу выпрыгнуть из кэба, да еще так, что ни вы, ни извозчик ничего не заметили?!

– Какая там, к черту, старуха! – сердито ответил Шерлок Холмс. – Это мы с вами безмозглые старухи, раз дали себя так провести. Наверняка мы имеем дело с молодым мужчиной, притом очень энергичным, да к тому же и превосходным актером. Его представление было бесподобным. Он, несомненно, заметил, что за ним следят, и проделал этот трюк, чтобы улизнуть от меня. Это доказывает, что человек, за которым мы охотимся, действует не в одиночку, как

я и полагал, у него есть друзья, готовые пойти ради него на риск. Ну ладно, доктор, хватит, вижу, у вас сил совсем не осталось. Послушайте моего совета и отправляйтесь-ка вы в постель.

Я и впрямь чувствовал себя очень усталым, поэтому без возражений повиновался его предписанию. Холмс же остался сидеть в кресле перед догорающим камином, и в ночи я еще долго слышал меланхоличные причитания его скрипки, понимая, что он продолжает размышлять над странной загадкой, которую постановил себе непременно разгадать.

Глава 6

Тобиас Грегсон демонстрирует свои способности

На следующее утро газеты изобиловали материалами о «Брикстонской тайне», как они ее именовали. Каждая дала подробный отчет о происшествии, а некоторые сверх того посвятили ей еще и передовицы. В них я нашел кое-какую новую для себя информацию. В моей записной книжке до сих пор хранятся многочисленные вырезки и выписки, касающиеся этого дела. Вот краткий обзор некоторых из них.

«Дейли телеграф» отмечала, что в истории криминалистики редко встретишь трагическое происшествие, коему сопутствовали бы столь странные обстоятельства. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие какого бы то ни было мотива,

зловещая надпись на стене – все указывает на то, что это преступление – дело рук политических иммигрантов и революционеров. В Америке существует множество организаций социалистов, наверняка покойный нарушил какие-то из их неписаных законов, за что и был ими преследуем. Коснувшись вскользь Фемгерихта²¹, аква-тофаны²², карбонариев, маркизы де Бринвилье²³, теории Дарвина, мальтузианства и убийств на Рэтклиффской дороге, автор статьи в заключение обращал внимание правительства на необходимость осуществлять более строгий надзор за иностранцами, пребывающими на территории Англии.

«Стэндард» делилась наблюдением, что подобное поругание законов страны обычно происходит именно при либеральных правительствах и является следствием брожения умов, которое ведет к ослаблению власти. Убитый американский гражданин несколько недель проживал в столице. Он квартировал в пансионе мадам Шарпентье, на Торки-террас, в Кэмберуэлле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стэнджерсон. Они распрощались со своей квартирной хозяйкой во вторник 4-го текущего месяца и отправились на Юстонский вокзал с намерением сесть в ливерпульский экспресс. Чуть позже их видели на перроне

---

²¹ Тайные суды в средневековой Германии, осуществлявшие акты возмездия.

²² Яд, названный по имени сицилианки-отравительницы Тофаны.

²³ Маркиза де Бринвилье: Мари Мадлен д'Обри (1630–1676), француженка, отравившая собственных отца, брата и сестер.

вместе. После этого, вплоть до момента, когда тело мистера Дреббера было найдено, как сообщается, в пустом доме на Брикстон-роуд, за несколько миль от Юстона, о них ничего не известно. Как попал туда мистер Дреббер и как нашел он свою смерть – вот вопросы, которые все еще окутаны мраком тайны. Ничего не известно и о местонахождении мистера Стэнджерсона. Обнадеживает лишь то, что в расследовании участвуют известные сыщики Скотланд-Ярда мистер Лестрейд и мистер Грегсон, это дает весомое основание надеяться, что свет в конце тоннеля появится скоро.

Газета «Дейли ньюс» высказывала уверенность, что преступление это политическое. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму привели к тому, что к нашим берегам прибывает большое количество людей, которые могли бы стать добропорядочными гражданами, не будь они отравлены воспоминаниями о том, что им пришлось пережить на родине. В среде этих людей действует свой строгий кодекс чести, любое нарушение коего карается смертью. Необходимо приложить все усилия, чтобы найти мистера Стэнджерсона, секретаря покойного, и уточнить некоторые особенности привычек его шефа. Большой удачей можно считать то, что удалось узнать адрес пансиона, в котором они квартировали, этим мы полностью обязаны проницательности и энергии мистера Грегсона из Скотланд-Ярда.

Мы с Шерлоком Холмсом вместе просматривали эти статьи за завтраком, и они его, судя по всему, немало позаба-

вили.

– Я же говорил вам: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон в накладе не останутся.

– Ну, это смотря как обернется дело.

– Да господь с вами, Ватсон, это не будет иметь ровным счетом никакого значения. Если парня поймают, это случится *«благодаря их стараниям»*; если он улизнет, то – *«несмотря на их старания»*. Как говорится, кому вершки, а кому корешки. Что бы они ни наворотили, у них всегда найдутся защитники. *«Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire»*²⁴.

– Боже праведный, это еще что такое? – воскликнул я, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног, сопровождаемый громкими возмущенными возгласами нашей хозяйки.

– Это летучий отряд уличной сыскной полиции Бейкер-стрит, – совершенно серьезно объяснил Холмс.

Не успел он закончить фразу, как в комнату ворвалось с полдюжины самых замурзанных и оборванных беспризорников, каких мне когда-либо доводилось видеть.

– Смирно! – строго скомандовал им Холмс, и шестеро грязных сорванцов замерли в строю, словно маленькие диковинные изваяния. – Впредь являться сюда с докладом только Уиггинсу, остальным – ждать на улице. Ну, что, Уиггинс, нашли?

---

²⁴ В пер. С. Нестеровой и Г. Пирамова: «Глупец всегда найдет в кретине восхищенье».

– Никак нет, сэр, не нашли, – отрапортовал один из юнцов.

– Я особо и не надеялся. Но вы должны продолжать поиски – пока не найдете. Вот ваше жалованье. – Он вручил каждому по шиллингу. – А теперь марш отсюда и в следующий раз приносите новости получше.

Он махнул рукой, и мальчишки кубарем скатились по лестнице, как серая крысиная стайка; в следующую секунду их пронзительные голоса были слышны уже на улице.

– От этих маленьких попрошаек толку бывает больше, чем от дюжины полицейских, – заметил Холмс. – От одного вида человека в форме у людей отнимается язык. А эти малолетки шныряют повсюду и все слышат. Вы не представляете себе, как они сметливы, единственное, чего им не достает, так это организованности.

– Вы наняли их для работы над брикстонским делом? – поинтересовался я.

– Да, мне нужно кое-что уточнить. Но это всего лишь вопрос времени. Ага! Сейчас новостей у нас будет в избытке! Вон идет Грегсон с сияющей от самодовольства физиономией. Не сомневаюсь, что он направляется к нам. Ну, что я вам говорил? Остановился. А вот и он!

Бешено затрезвонил колокольчик, и через несколько секунд белобрысый сыщик взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и ворвался в нашу гостиную.

– Мой дорогой коллега, – закричал он, тряся вялую руку Холмса, – поздравьте меня! Я сорвал покров с этой тайны,

теперь все ясно как белый день.

Тревожная тень пробежала, как мне почудилось, по лицу моего компаньона.

– Вы хотите сказать, что напали на верный след? – спросил он.

– На верный след! – саркастически повторил Грегсон. – Сэр, этот человек уже сидит у нас под замком!

– И его имя?..

– Артур Шарпентье, младший лейтенант Военно-морского флота Ее Величества, – торжественно доложил Грегсон, потирая свои пухлые руки и надуваясь от важности, как индюк.

Шерлок Холмс облегченно вздохнул, его поджатые было губы расплылись в довольной улыбке.

– Присядьте и попробуйте вот эти сигары, – предложил он. – Мы стораем от нетерпения узнать, как вам это удалось. Хотите виски с содовой?

– Не откажусь, – ответил детектив. – Чудовищное напряжение, которое пришлось испытать за минувшие два дня, вконец меня измотало. Я имею в виду, разумеется, не физическое, а умственное напряжение – ну, вы понимаете. Вам ли не оценить его, мистер Шерлок Холмс, мы ведь с вами оба – работники умственного труда.

– Это слишком большая честь для меня, – серьезно ответил Холмс. – Ну, не томите, поведайте нам, как вы пришли к столь успешному результату.

Удобно устроившись в кресле, Грегсон все с тем же самодовольным видом выпустил облачко сигарного дыма. Потом вдруг хлопнул себя по бедру и в пароксизме бурного веселья воскликнул:

– Самое забавное, что этот придурок Лестрейд, который считает себя таким умным, сразу взял абсолютно ложный след. Он гоняется за секретарем Стэнджерсоном, который имеет не больше отношения к делу, чем еще не родившийся младенец. Не сомневаюсь, что к настоящему времени он его уже схватил.

Эта мысль показалась Грегсону такой забавной, что он зашелся смехом.

– И как же вы нашли ключ к разгадке?

– С удовольствием расскажу вам. Конечно, это все строго между нами, доктор Ватсон, – предупредил он меня. – Первая трудность, которую нам пришлось преодолеть, состояла в том, чтобы выяснить прошлое этого американца. Другой бы стал ждать, пока кто-нибудь откликнется на его объявление или сам придет, чтобы поделиться сведениями. Но не таков Тобиас Грегсон! Вы помните шляпу, которая лежала рядом с убитым?

– Да, – ответил Холмс. – Она куплена в магазине «Джон Андервуд и сыновья», Чемберуэл-роуд, сто двадцать девять. Грегсон был явно разочарован.

– Не знал, что вы тоже это заметили, – сказал он. – Вы туда ездили?

– Нет.

– Ха! – Грегсон воспрял духом и назидательно заметил: – Никогда не следует пренебрегать ни единой возможностью, какой бы незначительной она ни казалась.

– Для мощного ума мелочей не существует, – афористично заметил Холмс.

– Итак, я отправился к Андервуду и спросил его, не продавал ли он недавно шляпы такого-то фасона и такого-то размера. Справившись в своих учетных книгах, он выяснил, что одну такую шляпу действительно продал. Он послал ее мистеру Дребберу, остановившемуся в пансионе Шарпентье на Торки-террас. Так я узнал адрес.

– Умно, очень умно! – пробормотал Шерлок Холмс.

– Затем я навестил мадам Шарпентье, – продолжал сыщик, – и нашел ее очень бледной и расстроенной. В комнате находилась также ее дочь – на редкость, доложу я вам, миленькая девушка; глаза у нее были красные, а когда я с ней заговорил, губы ее задрожали, что не укрылось от моего внимания. Я почуял запах добычи. Вам, конечно, знакомо это чувство, мистер Шерлок Холмс: когда нападаешь на след, по всем нервам словно пробегает волна вибрации. «Слышали ли вы о загадочной смерти своего недавнего квартиранта мистера Еноха Дж. Дреббера из Кливленда?» – спросил я. Мать кивнула. Было видно, что она не в состоянии вымолвить ни слова. А дочь разрыдалась. Это еще больше утвердило меня в мысли, что этим женщинам что-то известно. «В котором

часу мистер Дреббер покинул ваш дом и отправился на вокзал?» – поинтересовался я.

«В восемь, – ответила мать, судорожно сглатывая, чтобы унять волнение. – Его секретарь мистер Стэнджерсон сказал, что есть два поезда: один в девять пятнадцать, другой в одиннадцать. Он собирался сесть на первый».

«И тогда вы видели его в последний раз?» – уточнил я.

Женщина изменилась в лице и смертельно побледнела. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы совладать с собой, после чего она с трудом выдала одно-единственное слово: «Да», причем голос звучал хрипло и неестественно.

На несколько секунд наступило молчание, потом дочь спокойно и четко произнесла: «Мама, обман никогда до добра не доводит. Давай откровенно расскажем все этому джентльмену. Мы *видели* мистера Дреббера еще раз».

«Да простит тебя господь, – воздев руки к небу, воскликнула мадам Шарпентье и тяжело опустилась в кресло, – но ты только что погубила своего брата».

«Артур сам предпочел бы, чтобы мы были честны», – твердо возразила дочь.

«Расскажите-ка мне все прямо сейчас, – вмешался я. – Полуправда еще хуже, чем сокрытие истины. Кроме того, вы ведь не знаете, как много нам уже известно».

«Ну, что ж, Алиса, это будет на твоей совести! – сквозь всхлипывания сказала мать и, повернувшись ко мне, добавила: – Я расскажу вам все, сэр. Только прошу вас не ду-

мать, что моя тревога за сына вызвана страхом выдать его причастность к этому чудовищному делу. Мой сын не имеет к нему ни малейшего отношения. Тем не менее я, конечно же, боюсь, что в ваших глазах и в глазах других людей он может оказаться скомпрометированным. Впрочем, нет, это исключено: его безупречная честность, звание офицера и беспорочная репутация не позволят его заподозрить».

«Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это облегчить душу, чистосердечно открыв мне все факты, – посоветовал я. – Если ваш сын невиновен, это ему никак не повредит».

«Алиса, думаю, тебе лучше оставить нас наедине, – сказала мать, и дочь тут же удалилась. – Итак, сэр, – продолжила мадам Шарпентье, – не собиралась я всего этого вам рассказывать, но раз уж моя несчастная дочь открыла карты, выхода у меня нет. А решившись, я расскажу все, не утаивая ни малейшей подробности».

«Очень мудрое решение», – похвалил я.

«Мистер Дреббер прожил у нас около трех недель. Они с мистером Стэнджерсоном, его секретарем, судя по всему, путешествовали по Европе: я заметила бирки «Копенгаген» на их чемоданах, следовательно, это было место их последней остановки. Стэнджерсон был человеком тихим и сдержанным, чего, увы, никак нельзя сказать о его хозяине. Тот вел себя грубо и развязно. В первый же вечер по приезде он в стельку напился. Честно признаться, после полудня его вообще редко видели трезвым. С прислугой обращался фами-

льярно и допускал непростительные вольности. Но хуже всего то, что вскоре он стал позволять себе подобное и по отношению к моей дочери Алисе; слава богу, что она по невинности своей не могла понять, что означает манера, в которой он неоднократно пытался с ней говорить. А однажды он дошел до того, что грубо схватил мою дочь и против ее воли поцеловал. Выходка была настолько безобразной, что даже его собственный секретарь не сдержался и упрекнул его в поведении, недостойном настоящего мужчины».

«Но вы-то сами почему все это терпели? – спросил я. – Вы ведь в любой момент могли выставить его за дверь».

Мой вполне уместный вопрос вогнал мадам Шарпентье в краску. «Видит бог, мне хотелось это сделать с самого первого дня по его приезде, – призналась она. – Но слишком уж велико оказалось искушение. Они платили каждый по фунту в день – это четырнадцать фунтов в неделю, а ведь сезон сейчас мертвый. Я вдова, служба моего мальчишка в военно-морском флоте недешево мне обходится. Признаюсь: я позарилась на деньги. Хотела сделать как лучше. Но эта его последняя выходка переполнила чашу моего терпения, и я уведомила его, что отказываю ему от комнаты. Поэтому-то он и решил уехать».

«Продолжайте», – подбодрил ее я.

«У меня камень с души свалился, когда я увидела, как он отъезжает от дома. Мой сын сейчас в отпуске, и я не стала посвящать его во все эти неприятности, потому что сестру

он боготворит, а нрав у него весьма крутой. Закрыв дверь за своими постояльцами, я почувствовала невероятное облегчение. Увы! Не прошло и часа, как у входной двери раздался звонок, и мне доложили, что мистер Дреббер вернулся. Он был чрезвычайно возбужден и совершенно очевидно пьян. Безо всякого разрешения он вломился в комнату, где сидели мы с дочерью, и буркнул мне что-то невразумительное насчет опоздания на поезд. Потом подошел к Алисе и, ничуть не смущаясь моим присутствием, предложил ей уехать с ним. “Вы уже не ребенок, – сказал он, – и никакой закон не может вам запретить это сделать”. Денег, мол, у него более чем достаточно, так что “не обращайтесь внимания на свою старуху (это он обо мне) и поедemте прямо сейчас, будете жить, как принцесса”. Бедная Алиса так испугалась, что сжалась в комок и отпрянула от него, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и в этот момент в комнату вошел мой сын Артур. Что происходило дальше, не знаю – слышала лишь злобную ругань и невнятный шум драки. Я была так напугана, что боялась поднять голову. Когда же все-таки решилась взглянуть, то увидела, что Артур, смеясь, стоит в дверях с палкой в руке. “Думаю, этот храбрец нас больше не потревожит, – сказал он. – Но присмотрю-ка я за ним на всякий случай”. С этими словами он взял шляпу и вышел на улицу. А на следующее утро мы услышали о загадочной смерти мистера Дреббера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.